

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-19-27

EDN: ZVDJXG

О проблеме воспроизводства кадров в российской науке и вузах (введение в дискуссию)*

М.Ф. Черныш

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия

(e-mail: mfche@yandex.ru)

В настоящее время российское образование и российское наука переживают кризис кадрового воспроизводства, чему в немалой степени способствовали ошибочные решения по реформированию РАН и научной аспирантуры, а также недофинансирование науки и образования. Статистические данные говорят о том, что, несмотря на принимаемые в последнее время меры, кризис продолжает развиваться и в недалекой перспективе существенно скажется на российских вузах и российской науке. Необходимо принять во внимание, что решать кадровые вопросы в короткой перспективе невозможно — они нуждаются в продуманной государственной стратегии, рассчитанной на десятилетия.

Воспроизводство кадров — на сегодняшний день одна из самых серьезных проблем науки и образования. Приведу несколько цифры из журнала «Вопросы статистики», официального издания Росстата. В 1991 году в стране было 878482 исследователя, в 1918-м — 347847. С учетом размеров нашего населения, чтобы сохранить статус развитой научной державы, нам надо иметь в науке 480 тысяч исследователей. Накопленный дефицит кандидатов технических наук в исследовательском секторе — 25 тысяч человек. Из имеющих кандидатскую степень только 12% хотели бы работать в науке или образовании. В последнее время только 10% из тех, кто поступил в аспирантуру, ее закончили, получив соответствующий документ, из этого числа только 8% защищают диссертацию [4]. Если суммировать эти цифры, то на выходе мы получаем ничтожную реальную отдачу аспирантуры. По магистратуре цифры несколько

*© Черныш М.Ф., 2024

Статья поступила 25.01.2024 г. Статья принята к публикации 15.02.2024 г.

лучше, но ненамного. Вопрос, от которого никак не уйти и который нуждается в ответе: как принималось решение, по сути, о ликвидации научной аспирантуры в Российской Федерации? Какими мотивами, данными и планами руководствовались лица, которые принимали подобные решения?

Кому-то этот вопрос может показаться досужим, несущественным, но нам он представляется главным, касающимся ключевого вопроса целеполагания. М. Дуглас, известный антрополог, в одной из своих книг задала важнейший вопрос: как думают институты? По большому счету институты — это системы норм и механизмов их внедрения, которые не обладают собственным разумом и не могут принимать решения — их принимают люди, которые соотносят их с нормой, собственными представлениями о текущем состоянии управляемой сферы и оптимальных условиях ее преобразования во имя лучшего будущего. Как следует из природы тех решений, которые относились к функционированию аспирантуры, лучшее будущее подразумевало исчезновение российской науки, ее вымирание безо всяких натужных властных решений, будирования общественного мнения и обсуждения, медленное, постепенное вымирание при сохранении всеми заинтересованными лицами своих ключевых позиций в сфере управления наукой и образованием.

Кому-то такие спекуляции покажутся неприемлемым психологизмом там, где речь идет о рутинных бюрократических решениях. Картина становится более полной и цельной, если приглядеться к текущему состоянию корпуса вузовских преподавателей. По некоторым данным, доля преподавателей вузов снизилась с 1998 по 2021 годы с 250 тысяч до 206; средний возраст преподавателей вузов — 45,5 лет, доцентов — 50 лет, профессоров — 62,4 года [3]. Вызывает озабоченность тот факт, что в корпусе преподавателей вузов сокращается доля наиболее молодой группы до 30 лет: в 1998 году ее доля составляла 10,9 %, в настоящее время она равна 4,8 %. При этом растет доля преподавателей в пожилом возрасте: в настоящее время доля преподавателей старше 65 лет составляет почти пятую часть всей совокупности (19,8 %), а в 1998 году была равна 6,8 %. Цифры говорят о том, что корпус преподавателей вузов стареет и что тех, кто должен приходиться на смену проверенным кадрам, приближающимся к критическим возрастам, явно недостаточно. Если эта тенденция будет пущена на самотек, то лет через пять дефицит квалифицированных кадров в системе образования перейдет качественную границу, а сама система войдет в состояние постоянного кризиса. Надо понимать, что в этом случае, когда «петух клюнет» по-настоящему, тяжелые решения будут неизбежны, но единственное, что утешает тех, кто сейчас руководит сферой образования, так это то, что ответственность придется принять на себя другим людям.

По данным Росстата, в 2023 году средняя заработная плата преподавателей вузов составила 108814 рублей [5]. Однако во всех случаях, когда пользуешься данными Росстата, следует иметь в виду его текущий зависимый статус и необходимость профильных чиновников отчитываться перед выше-

стоящими инстанциями. Во-первых, 108 тысяч — это, разумеется, не заработная плата, а покрытие так называемой полной ставки с полной нагрузкой. Ставки эти редко бывают полными: как правило, преподаватель занят на части ставки, и, соответственно, заработная плата его существенно ниже. Во-вторых, заработные платы преподавателей существенно разнятся в зависимости от субъекта Российской Федерации и престижности вуза. В-третьих, фонд заработной платы распределяется в вузах неравномерно — заработные платы могут различаться в разы, а иногда и на порядок.

Не удивительно, что цифры, которые собираются не «сверху», а «снизу», значительно отличаются от того, что нам рассказывает Росстат или Министерство науки и высшего образования. По данным портала Труд.ру, средняя заработная плата преподавателей в Москве — 56 тысяч рублей, а в Самаре — 40 тысяч, что близко к медианной заработной плате по России. Среднее предложение по отрасли для уже сложившегося преподавателя вуза — 35–40 тысяч рублей. Приведем данные об академических зарплатах по странам, собранные Бостонским колледжем международных исследований высшего образования [1]: в Китае — 3,47 от средней заработной платы, которая сегодня выше нашей; в Индии — 8,73. Средняя заработная плата в Индии — 13560 рупий, или 196 долларов; умножаем на 8,73 и получаем 1693 доллара. Если учесть дешевизну жизни, то это более чем благоприятная позиция. В Японии, соответственно, 1,63 и 4238 долларов. Напомню, что речь идет именно о средней заработной плате. В Канаде — 2,24 [6]. Чем ниже уровень жизни в стране, тем больше усилий она прилагает, чтобы сохранить ученых, обеспечить воспроизводство профессорско-преподавательского состава собственными силами. А на кого им еще рассчитывать? Ждать, когда приедут в Сколково ученые из США, как это было недавно в России?

Не удивительно, что по удельному числу публикаций в общем количестве мы на 11 месте, на 1 месте США, на 2 — Китай, на 3 — Великобритания, на 4 — Германия. Индия нас обошла с долей в 5,21 % [2]. Итог: 0,97 % ВВП на науку — недостаточно, чтобы сохранить научную отрасль, и никакой пресинг, никакие дисциплинарные меры не помогут. Можно и дальше распугивать молодежь, но так науку и образование не сохранишь и не поднимешь. Что из этого следует? Молодой человек, желающий работать в науке или в системе образования, заканчивает бакалавриат (четыре года), затем поступает в магистратуру и тоже ее успешно заканчивает (уже шесть лет). Если он хочет продвигаться в системе образования и науки, он должен идти в аспирантуру, а это еще три года. Получаем девять лет учебы, а 18 годам прибавляем 9 — это 27 лет. И вот в этом возрасте, получив все необходимые свидетельства, молодой человек приходит в университет или научное учреждение и начинает зарабатывать около 26 тысяч рублей в лучшем случае. В пересчете это 210 долларов (мы делаем пересчет, чтобы можно было сравнить заработные платы наших преподавателей с преподавателями за рубежом). Какие стипендии

платят в аспирантуре? В Высшей школе экономике что-то около 30 тысяч, а в РАН — ниже прожиточного минимума.

Что нам сулит такое положение дел? Как я уже сказал выше, большие проблемы воспроизводства. Путь в науку или образование слишком долгий, а выгоды от выбора этого пути слишком сомнительны, особенно учитывая, как у нас умеют подгружать молодых преподавателей. Если эта ситуация не изменится, то в обозримом будущем, лет через пять, мы будем иметь полноценный нарастающий кризис в системе высшего образования, и первые признаки уже налицо. Например, всякий, кто работает в социологическом образовании, знает, как тяжело отыскать преподавателя по методам, по методологии, по русской социологии, — такие специалисты уже наперечет. И я скажу почему: эти отрасли нашей науки требуют широкой эрудиции, полноценной вовлеченности, не сочетаемой с другой занятостью. Тот, кто этим занимается, — это книжный педант, немецкий профессор, досконально изучивший сотни работ по выбранной теме. Это своего рода самопожертвование во имя науки, укрепления ее основ, ведь гораздо легче опросить двадцать-тридцать человек, написать влегкую работу и получить свидетельство о квалификации. Невозможно стать профессионалом в социологии, подрабатывая в котельной или водителем в Uber. Поколение дворников и сторожей, может быть, и сформировало плеяду выдающихся рок-музыкантов, но профессоров ожидать не приходится.

Бессмысленно читать мораль людям, которые не идут в науку, говорить им о благородстве, признании, великой традиции, если пагубна система, в которой высокий уровень квалификации, работа в науке или вузах вознаграждается столь мало. Наши чиновники любят рассуждать о призвании вместо заработной платы, о макаронках вместо полноценного питания. Не буду подробно комментировать эти циничные высказывания. Скажу лишь, что с точки зрения социологии призвание — вещь сложная, в его обсуждении важно избегать метафизики, а лучше обратить внимание на те социальные факторы и габитус, которые порождают соответствующую ориентацию.

Как будет развиваться кризис? Это интересный вопрос, на который нет и не может быть ответа. Социологи и ученые вообще — не дельфийские оракулы, черные лебеди прилетают без предупреждения и обращают порядок в хаос, нисколько с нами не советуясь. Но все-таки предположения мы можем сделать. Вряд ли стоит ждать резкого обрушения системы, скорее она будет деградировать понемногу, дискретно, по-разному в разных отраслях. По мере того, как кризис будет нарастать, регулирующие инстанции будут затыкать образовывающиеся бреши. Это уже происходит: смягчаются критерии формирования ученых советов, снизят рано или поздно требования к статусу оппонента, понизят уровень требований к квалификационным работам. Уже сейчас в некоторых дисциплинах кандидатскую диссертацию можно защищать по совокупности трудов, а это десять качественных публикаций, т.е.,

по сути, минимальные требования. Соответственно, будет снижаться уровень квалификации преподавателей, не исключено, что, как в случае с врачами, будут обращаться к резервам в бывших советских республиках. Но все эти меры — тришкин кафтан, далее придется принимать радикальные меры мобилизационного характера или впасть в мерцающее состояние, как это происходит с гаснущими звездами и странами, приближающимися к упадку. Сегодня нас от статуса страны третьего мира отделяет только существование развитой науки и развитого образования. Сведем к минимуму и то, и другое — будет у нас приполярная Африка.

Чтобы понять, как избежать кризиса, надо определить его причины, а они в том, что система образования и науки реформировались, во-первых, без учета российской специфики и традиций, во-вторых, без закрепления достигнутых изменений за счеткратно увеличенного финансирования. Первый пункт особенно важен: республика науки и республика университетов имеют в развитых странах длинную историю, и их основания не так просто переиначить, перелицевать. В социальных науках бытуют разные мнения по поводу заимствования институтов, но все же одна из доминирующих точек зрения состоит в том, что делать это надо крайне осторожно, осмотрительно, без надрыва и слома того, что работает. По мнению А. Хамильтона, одного из видных представителей институционального анализа, «почва, в которую экспортируется институциональный продукт, оказывает на него влияние; она может вообще убить все или привести к трансмутациям в его дальнейшем развитии» [7. С. 12]. О том, что работающий западный институт на нашей скудной северной почве может дать слабые плоды, можно было догадаться, изучая наш предшествующий опыт социальной гибридации: в разные периоды Россия перенимала с разной степенью успешности западные институты, например суд присяжных, но просуществовал он относительно недолго.

Можно предположить, что взаимоотношения между образованием и наукой, пути транзита между ними в России подвержены значительному влиянию советского опыта, который имел мобилизационный характер. В этом опыте преподаватели вузов, профессура, ведущие ученые имели элитный статус, многие привилегии, делая профессию преподавателя и ученого привлекательной для талантливой молодежи. В немалой степени этому способствовала развитая система ранней селекции — специальные школы, льготы при поступлении в вуз, олимпиады. Все это помогало формировать перспективный контингент на ранних подступах к научной стезе. Отчасти подобные меры шли вразрез с эгалитарной идеологией государства, но целей своих добивались. В этой системе вуз был ступенькой на пути к большой науке, которая обитала в стенах Академии наук, а в практическом плане — в конструкторских бюро, на ведущих в технологическом отношении предприятиях.

После 1991 года эту систему было решено реформировать, но реформы были настолько неудачными и невыверенными, что привели к огромному

ущербу для страны и поставили под вопрос ее будущее. Крайне неудачным стало введение колониальной Болонской системы, основная цель которой заключалась в том, чтобы привязать российское образование к западным рынкам труда. Отток кадров шел в известном направлении и никак не в обратном, надежды на то, что наши выпускники обучатся всему и вернуться, был наивен, а, возможно, и злонамерен. По оценкам НИУ ВШЭ, из страны ежегодно выезжают за рубеж до 10 тысяч ученых для постоянной работы и 35–40 тысяч студентов для учебы в магистратуре и аспирантуре. Покидают Россию порядка 60%–75% перспективных ученых (аспирантов, идущих по академическому треку), причем в передовых областях естественных и технических наук — до 80%. Вследствие введения Болонской системы вхождение в науку отдалилось на два года, которых было достаточно, чтобы в условиях рынка окончательно отвадить российских выпускников от идеи влиться в научное сообщество. Дошло до того, что некоторые наши наиболее продвинутые вузы напрямую обслуживали потребности развитых стран в кадрах.

Как можно изменить текущую ситуацию? Прежде всего, необходимо определиться с идеологией образования и науки, решить, какое нам нужно образование и какая наука. Нужна полноценная идеология самостоятельного развития страны и организующих его институтов. Россия без сильной науки и сильного научного сообщества не состоится как передовая держава. Разговоры о том, что мы наших ученых отошлем на Запад, а потом они вернуться и принесут пользу отечественной науке — это введение общественности в заблуждение. Мы все знаем, что возвращенцев ничтожно мало, что подтверждается данными многих исследований. Нужно перестать экономить на науке, призывать ученых идти зарабатывать деньги в бизнес, делить всех тех, кто стоит у врат науки, на имеющих призвание и желающих высоких заработных плат. Призвание не противоречит нормальной зарплате, напротив, человек, нашедший свое призвание, как правило, более успешен и в материальном смысле. Нынешние расходы на науку недостойны развитой страны, на 0,97% от ВВП российскую науку на передовых позициях не удержишь. Необходимо радикально пересмотреть оплату труда ученых и не выдумать оправдания, чтобы не платить им достойные заработные платы. Необходимо поддерживать те структуры, которые доказали свою работоспособность, а не журавля в небе, которого все время ловят, а он никак не ловится.

Необходимо закончить эксперимент с гибридизацией. В 1960-е годы гибриды были популярны в биологии: ученые старались вывести растения и животных, сочетающих сильные черты разных видов, но, как показала практика, межвидовые барьеры не преодолеваются без тяжелых последствий — гибриды оказались не жизнеспособными. Нет смысла полностью восстанавливать советскую систему, но надо признать, что там есть ценные достижения. Система научных степеней была работающим инструментом воспроизводства в науке и такой останется на долгие годы. Сосуществование

двух систем — это признак безвременья, академической смуты, с которой надо заканчивать. Необходимо, чтобы те, кто работает в науке или образовании, защитив диссертацию, получали более высокий статус и существенную, чувствительную прибавку к зарплате. Этот принцип работал в советское время, он сработает и сейчас. Аналогичным образом должна работать и докторская степень: доктор наук должен иметь иной статус и более высокую оплату труда — элита научного сообщества и таковой должна себя чувствовать.

Важно с учетом требований времени расширить число источников финансирования науки. Фонды, финансирующие науку, — это не только аккумуляторы денег, но и один из наукометрических инструментов. Проект, прошедший пристальное рецензирование с точки зрения его актуальности, — плюс в актив любому ученому и способ для него проверить свои идеи через оценку экспертов, просвещенных представителей научного сообщества. Мы знаем, что вопреки мнению ученых был закрыт РФФИ, и его отсутствие остро ощущается до сих пор — наука не должна стоять на одной ноге. В странах-недрузгах, как известно, фонды делятся по разным категориями. Например, в Германии работает двадцать фондов стимулирования научных исследований: Фонд Макса Планка — это естественные и общественные науки, а Центр академических обменов позволяет получить финансирование под командировки и участие в конференциях; есть фонды, финансирующие издание монографий, и фонды, поощряющие эмпирические социальные исследования; специальный фонд помогает молодым ученым. Это удобно потому, что, понимая свои задачи, ты примерно знаешь, в какой фонд обратиться за поддержкой. Помимо этого, есть общеевропейские фонды, и, например, такие, как ТАСИС, позволяли участвовать в европейских проектах и российским ученым. Довольно много фондов и в США, они не скупаются на финансирование перспективных проектов, поощряя в том числе и небольшие коллективы, работающие при крупных корпорациях или университетах. Закрытие научных фондов, сначала РГНФ, а потом и РФФИ, — это пример противоречивости нашей политики. С одной стороны, мы возвещаем, что российская наука — часть мировой науки и что «пусть ученые конкурируют в форме проектов», т.е. налицо вполне либеральный подход. С другой стороны, закрываем все возможности получения финансирования проектов. Где же логика?

Также необходимо усиление роли Российской академии наук. Говорю это не как руководитель одного из крупных центров РАН, а как тот, кому не безразлично, что происходит с российской наукой в целом. Перемещение науки в вузы — это инфраструктурный проект на десятилетия, требующий триллионного финансирования, переподготовки кадров, и не факт, что он может быть реализован в России вообще. В РАН должны быть не только академики и члены-корреспонденты, но и возможность поддерживать исследования на конкурсной основе. Важно понимать и то, что министерство по определению не в состоянии оценивать научные исследования и степень их эффектив-

ности, — это могут делать только сами ученые, вырабатывая нормы исследования. Б. Латур говорил, что главная парадигма (идеология исследований) рождается в лаборатории. Здесь мы должны остановиться и помечтать о том, что наука и образование — наши главные институты воспроизводства общества — сохранятся и упрочатся. Только в этом случае мы можем надеяться на то, что и Россия сохранится и справится со всеми теми вызовами, с которыми она столкнулась в конце XX — начале XXI века.

Библиографический список

1. Международное высшее образование. 2022. № 109.
2. Публикационная активность российских ученых в новых реалиях. 11.12.2023 // URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/879117348.pdf>.
3. Пугач В. Еще раз о возрасте преподавателей в российских вузах // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 3.
4. Скуратов А.К., Зубарев А.П. Прогноз численности исследователей в Российской Федерации к 2024 году // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 12.
5. Средняя заработная плата преподавателей образовательных организаций высшего профессионального образования государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь-март 2023 года // URL: <https://rosstat.gov.ru>.
6. Paying the Professoriate. A Global Comparison of Compensation and Contracts / Ph.G. Altbach, L. Reisberg, M. Yudkevich, G. Androushchak, I. Pacheco (Eds.). New York, 2012.
7. The Transfer of Institutions / W.B. Hamilton (Ed.). Cambridge University Press, 1964.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-19-27
EDN: ZVDJXG

On the problem of personnel reproduction in Russian science and universities (introduction to the discussion)*

M.F. Chernysh

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: mfche@yandex.ru)

References

1. *Mezhdunarodnoe Vysshee Obrazovanie* [International Higher Education]. 2022; 109. (In Russ.).
2. Publikatsionnaya aktivnost rossiyskih uchenykh v novykh realiyah [Publication activity of Russian scientists in new realities]. 11.12.2023. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/879117348.pdf>. (In Russ.).

*© M.F. Chernysh, 2024

The article was submitted on 25.01.2024. The article was accepted on 15.02.2024.

3. Pugach V. Eeshche raz o vozraste prepodavateley v rossiyskih vuzah [Once again about the age of teachers in Russian universities]. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*. 2023; 32 (3). (In Russ.).
4. Skuratov A.K., Zubarev A.P. Prognoz chislennosti issledovateley v Rossiyskoy Federatsii k 2024 godu [Forecast of the number of researchers in the Russian Federation by 2024]. *Voprosy Statistiki*. 2019; 26 (12). (In Russ.).
5. Srednyaya zarabotnaya plata prepodavateley obrazovatelnyh organizatsiy vysshego professionalnogo obrazovaniya gosudarstvennoy i munitsipalnoy form sobstvennosti po sub`ektam Rossiyskoy Federatsii za yanvar-mart 2023 goda [Average salary of teachers of the state and municipal higher educational institutions by constituent entities of the Russian Federation for January–March 2023]. URL: <https://rosstat.gov.ru>. (In Russ.).
6. *Paying the Professoriate. A Global Comparison of Compensation and Contracts*. Ph.G. Altbach, L. Reisberg, M. Yudkevich, G. Androushchak, I. Pacheco (Eds.). New York; 2012.
7. *The Transfer of Institutions*. W.B. Hamilton (Ed.). Cambridge University Press; 1964.